

Три новеллы об Афгане

Category: Некаýалар, Китарсу

написано китарсу | 24 января, 2025

Три новеллы об Афгане ТРИ НОВЕЛЛЫ ОБ АФГАНЕ

- **ИШАК**

БЕЛОЕ, как всегда, солнце палило нещадно. В бездонном белесоголубом небе – ни облачка, ни птицы. Броня раскалилась, как сковородка, что творилось под ней – можно было только представить.

БМП, три БТРа, прикрываемые танком, на максимально возможном ходу подходили к «зеленке» – самому опасному на этой, впрочем, как и на любой другой афганской дороге, участку. Это было, пожалуй, последнее место возможного боевого столкновения с «духами» перед прибытием в конечный пункт – расположение полка.

Колонна шла из штаба дивизии – в полк был назначен новый командир, его и везли для представления, приема дел и дальнейшей службы. Пока его не было, в полку «сидел» «сам комдив», который и должен был представить нового комполка.

«Слава Богу, немного полегче будет, – рассуждал комбат – капитан, обветренный, как придорожная скала. – Вот уедет генерал... Хотя... Судя по облику, новый «полкан» спуску не даст – захочет отличиться. Молодой, только-только подполковника получил, еще погоны не обмялись, а уже командир полка. Красавчик – таких бабы любят. И вырядился-то как: камуфлированная «эксперименталка», такая у «самого» появилась лишь неделю назад...»

Водилы выжимали из железок все, что можно, стараясь держать определенную дистанцию. Без происшествий прошли уже половину «зеленки», не снижая скорости, обходя подозрительные, приметные издали опытного взгляду бугорки и выбоины, проносясь в сантиметрах от остовов обгоревших бензовозов и раскуроченных КамАЗов-бортовиков. До конца опасного участка осталось чуть-чуть, но тут...

Головная БМП со скрежетом резко затормозила у въезда на мост через узкую, но глубокую горную речку. Почти мгновенно замерла вся колонна. Танк тут же развернул свой «хобот» в сторону возможного открытия огня. «Что случилось?» – пронеслось в десятках голов. Секунды мертвой тишины слились в звенящую натянутость ожидания... начала боя. «Кто-нибудь даст какую-то команду?».

Из БМП, чертыхнувшись, выбрался комполка – красавец, сам из себя. Через еще не осевшую пыль увидел: посередине моста мертво стоял... ишак. Его тщетно пытался, что-то гортанно выкрикивая, сдвинуть с места старик-афганец, у которого чалма, белые одежды и такая же борода слились во что-то единое целое. Убедившись в безнадежности предпринимаемых попыток, на помощь деду пришли бойцы афганской армии – их пост (мешки с песком, два ДШК и пушчонка) был с этой стороны моста, а также мальчишка из «царандоя» – их пост (те же мешки, гранатомет «Пламя» и два ДШК) был с другой стороны. Их общие усилия тоже успеха не имели.

Подполковник покрутил головой: не провокация ли? Ничего особенного он не заметил – горы были тихи. Правда, все-таки один момент бросился в глаза – на него внимательно смотрели три десятка пар глаз теперь уже его подчиненных, вылезших на броню. Что делать? Командиру нельзя терять самообладания, необходимо в любой обстановке проявлять выдержку.

Решительно спрыгнув на землю, подполковник направился к ишаку. Внимательно измерил его взглядом, зачем-то дважды обошел вокруг. Старик-афганец, бойцы «царандоя» и солдаты настороженно следили за действиями «шурави». Подполковник подошел к ишачьей морде, заглянул бедному животному в глаза и потянул за уздечку. Напрасно. Афганец, к которому присоединились невесть откуда взявшиеся мальчишки-бачата, что-то одновременно с ними затараторил. Подполковник, бросив косой взгляд на следивших за его действиями подчиненных, обошел вокруг ишака и вдруг резко пнул его прямо в основание хвоста. Тому – хоть бы что.

Пот, поначалу бежавший между лопаток тонкой струйкой, норовил превратиться уже в ручеек. Из-под козырька кепочки-

конфедератки камуфлированной «эксперименталки» закапало. Нельзя было терять авторитет в первый же день, да еще в таком деле – весь полк будет смеяться, а к вечеру из множества вариантов еще какое-нибудь прозвище дадут, обидное...

Между тем затянувшаяся пауза взволновала всю колонну, к тому же пара «вертушек» чуть в стороне прошла, да и тишина эта...

НА ВЫРУЧКУ комполка подошел капитан. Пару раз глубоко затянувшись «беломориной», он полуобратился-полупроинформировал:

– Товарищ комполка, с ним надо поговорить, попросить хорошенько...

– Как это?

– А вот как.

Капитан нагнулся к самому уху животного и что-то шепотом быстро-быстро заговорил. Ишак насторожился, потом вдруг дернулся и внезапно с надрывным криком с места рванул в карьер, таща за собой держащего его за уздечку старика. От неожиданности старик с воплем упал и покатился по дороге, увлекаемый своим подопечным.

Обалдевшие афганцы с криками «Шурави!», «Алла Акбар!» упали ниц.

– По машинам! – прокричал капитан, а затем, оправдываясь, подполковнику: – Извините, товарищ подполковник, вырвалось... Разрешите начинать движение?

– Да, что уж... По машинам... – никак не мог прийти в себя комполка.

Колонна, дав полный газ, рванула вперед, оторвавшие от земли головы афганцы увидели только клубы пыли да матовый блеск брони вдалеке. Дед-афганец, кряхтя, поднялся, подошел к спокойно стоявшему невдалеке ишаку, взял его под уздечку и пошел своей дорогой.

УЖЕ В РАСПОЛОЖЕНИИ полка после того, как новый командир был представлен личному составу и выступил перед офицерами, подполковник решил все-таки задать капитану один вопрос. Подозвав его к себе, он спросил:

– А ты что, правда, что-то ишаку говорил?

– Говорил.

– А что?

– Ну, что он – самое мудрое и терпеливое животное, что нужно послушать глупых людей и уйти с дороги...

– Постой... А ты что, по-русски говорил?

– Нет. По-русски еще не все афганцы понимают, только, стервецы, матерятся все от мала до велика. А об ишаках – и речи нет. Так что я с ним на пушту говорил.

– Ты что, серьезно?

– Да нет, конечно. Я ж «Беломор» курю, а какое животное выдержит триста градусов на кончике зажженной папиросы? Ясное дело: ишак тоже не выдержит...

• «МАЛАЯ ЗЕМЛЯ»

ИЗ ПРОВАЛА в дувале, казалось, без устали, непрерывно и настойчиво бил «Калашников». Сашка бросил туда уже одну РГ-42, но автомат не смолк даже на секунду. Судя по всему, бой в кишлаке уже затухал, а тут... Придется пожертвовать последнюю – «лимонку» Ф-1.

Как только ухнул взрыв, Сашка подобрался, вскочил и, стреляя на ходу, вломился в провал. Обо что-то споткнувшись, он покатился по земле и, прежде чем замереть, дал еще пару очередей. Осмотрелся.

У провала в дувале лежал мальчишка лет двенадцати. Глядя в бездонное синее небо уже ничего не видящими глазами, он инстинктивно сжимал своими грязными кулачками камни и желтую пыль, а дрожащие худенькие колени пытался подтянуть к тому месту, где у него должен был быть живот. В разных концах двора валялось еще три мертвых «духа».

На всякий случай Сашка дал длинную очередь по оконцам и двери глинобитной лачуги, сменил магазин и, петляя, как заяц, побежал к ее входу. Было тихо.

«Эх, была бы граната... – пожалел Сашка, – надо было бы сначала ее...». Но делать нечего. Хибару надо было все равно «проверить». Собравшись с духом, он вскинул автомат, ударил сапогом по двери, вскочил в ее проем и уже чуть было не нажал на спусковой крючок...

ПОЧТИ на пороге – как он не сшиб его дверь? – на коленях стоял старик. Грязный рваный халат еле прикрывал его тощее тело. Из-под сползшей на бок чалмы торчала рыже-седая щетина двухнедельной давности. По изможденным, испещренным глубокой сеткой морщин щекам, по жидким космам бороды текли слезы. Глаза... Глаз-то, пожалуй, и не было. На месте одного из них была какая-то кроваво-бурая гнойная слива, а второй на всю его площадь был поражен катарактой. В раздвоенной культике левой руки старика была крепко зажата невесть откуда взявшаяся брошюра Леонида Ильича Брежнева «Малая земля». В трясущейся узловатой натруженной правой старческой ладони позвякивали... орден Славы, медали «За отвагу» и «За освобождение Варшавы».

– Шурави, русский... Не стреляй... Не забий... Шурави... Война, победа... Солдат... Гитлер капут... Хенде хох...

Сашка оторопел. Ошарашенно глянул на дрожащие в ладони награды, на «Малую землю». Внимательно посмотрев в глаз деду, он понял, что тот его, скорее всего, не видит. Взяв автомат на изготовку, Сашка вошел во мрак лачуги. В углу под лоскутным одеялом почудилось шевеление – вскинул автомат...

– Шурави, не стреляй. Не забий. Там дети... Солдат, Гитлер капут...

Сашка отбросил одеяло. Под ним, как котята, прижимаясь друг к другу, сидели трое огольцов. Испуганные глазята «бачат» глубиной и блеском взглядов говорили обо всем.

За Сашкой по глиняному полу на коленях полз старик: может, он все-таки видит своим глазом?

– Солдат, Гитлер капут... Дружба... Брежнев – Бабрак ... Ленин – «Малая земля»... Не забий...

Сашка вновь накрыл детей одеялом. Пошарил по углам. Из-под хлама достал РПГ и два китайских «Калашникова», задержался у прилепленных к глинобитной стенке вырванных из какой-то книжки сильно замусоленных портретов Ленина и Гагарина и вышел из лачуги. Вслед ему раздалось: «Да хранит тебя Аллах, солдат! Гитлер капут!»...

– Ну как там, Сашка? – окликнул его старшина Приступа.

– Да нормально, чисто...

– Давай быстрее, сейчас «вертушки» подойдут. У нас трое

«двухсотых» и шестеро ранено.

– Кто?

– Андрияускас, Шумко и Лазарев...

В ДУШНОЙ палатке Сашка никак не мог заснуть. На «боевых» он был не раз, бывало, что и смерти прямо в глаза смотрел, даже ощущая на своем лице ее ледяное дыхание, попадал в разные переделки. Но после того рейда у него перед глазами, сменяя друг друга, как слайды в эпидиаскопе, все время стояли то мальчишка, судорожно подтягивающий свои острые коленки к тому месту, где у него должен был быть живот, то глаз-слива старика-афганца, то непонятно откуда появившиеся в горном афганском кишлаке советский орден и медали времен Великой Отечественной войны в дрожащей старческой ладони, то засиженные мухами портреты Ленина и Гагарина.

Сделав глубокий вдох, Сашка поднялся с жесткой койки и вышел в темноту ночи. Под навесом за дощатым столом сидел старшина Приступа – он узнал его по силуэту мощной фигуры. На удивление тот, не оборачиваясь, спросил:

– Ты что, Сашка, не спишь?

– Да так... Дайте закурить.

– Ты же не куришь.

– Это раньше не курил – зарок давал... Дайте закурить...

• «КРЕЩЕНИЕ»

– Ты в Афгане кем был, снайпером?

– Снайпером.

– А убивать приходилось?

– Приходилось...

– Ну и сколько на твоём счету?

– Не знаю...

– Как не знаешь?

– А вот так: не знаю. Одного точно убил...

Только-только я попал в Афган. Назначили меня на должность снайпера – в любом мотострелковом отделении такая должность предусмотрена. Выдали мне, как положено, винтовку СВД с оптикой. Стрелял я в общем-то нормально, но не потому

назначили – должность просто была, по-видимому, вакантная. Ну а тут задача: афганцы проводят призыв в армию, а мы должны это дело обеспечивать. Делается это просто: внезапно блокируется кишлак. Афганцы – военные и служба безопасности – «шуруют» в кишлаке, всех мужиков отлавливают. «Призывной участок» оцепляет афганская армия и «царандоя» – полупартизаны-полумилиция, их комсомольцы лет четырнадцати-пятнадцати с автоматами. Ну а мы обеспечиваем внешнее оцепление, задача: никого не выпускать.

Мы заняли указанную позицию, ждем. Началась операция. Время идет, вроде, все спокойно – я имею в виду у нас, а внизу, в кишлаке... Короче, «дым коромыслом». Стали уж скучать, как подлетает «ротный»:

– Как «духи» просочились?

– Какие «духи»?

– А он нам в тыл показывает. Действительно, уже далековато от нас, чуть повыше, идет маленький караванчик: четыре навьюченных ишака и человек шесть «духов» уходят в горы. Как они проскочили – непонятно. Скорее всего, по своим водопроводам – это целое произведение искусства, их инженерной мысли. За сотни лет афганцы понастроили подземных галерей, по которым вода бежит, «кяриз» называются. Сверху – ничего не видно. Тянутся на километры. Причем галереи эти по размерам огромные – УАЗик может заехать. Иной раз блокируем кишлак, глядишь: а в нем никого, все под землю ушли. Вот и эти, наверное, по этим ходам в горы подались.

Стрельнули из автоматов – не достают. Врезали длинную очередь из башенного пулемета БТРа – накрыли: было видно, как на месте «духов» выросли белые пыльные фонтанчики, зарикошетили камни.

– Сулейманов, – говорит «ротный» сержанту, – проверь, как и что. Посмотри – и быстро назад.

Фыркнул движок, и мы на своем «стальном коне» понеслись, почти как на дикой лошади, – благо почти к тому самому месту вело русло пересохшей речки. Домчались быстро. Смотрим: то место или не то? По всем прикидкам, вроде, то. Спешились, прошли немного вперед: точно, то. Валяется убитый ишак, невдалеке лежит второй, еще живой. А в тени большого валуна сидит

старик-афганец: ноги перебиты, огромная рана в животе обильно кровоточит. Увидев его, мы сперва насторожились, но потом успокоились: старик смотрел на нас чрезвычайно спокойно, даже отрешенно и, видать по шевелящимся губам, собирался отправиться в мир иной. Осмотрелись: никого и ничего – ни «духов», ни груза. Только два ишака и смертельно раненный дед, у ног которого валялась винтовка времен англо-бурской войны – воину ислама положено умирать при оружии.

– Молодой, добей, – услышал я голос Сулейманова.

Сначала я даже не понял, что это он обратился ко мне.

– Слышь? Добей. Это будет твоим «крещением».

Я обомлел. Посмотрел на сержанта, на ребят, в глаза старику. В душе хотел воспротивиться, вернее, протест нарастал, как буря, – я это чувствовал, но ... руки сами подняли СВД. Прицелился, зажмурился и выстрелил. Эхо тут же многоголосьем отозвалось в горах. Голова старика лежала на плече, губы больше ничего не шептали.

Посмотрел на ребят – они все вдруг засобирались в обратный путь. Сулейманов подошел ко мне, заглянул своими казахскими щелочками мне прямо в глаза – казалось, достал до самого дна. С полминуты серьезно так смотрел, потом хлопнул по плечу:

– Ну что, «крещенец», из тебя будет толк. Поехали!

Сергей ГОРБАЧЕВ. НекауаӀар